

УДК 139.316 «б»

Собольников В. В.

*Новосибирский государственный педагогический университет
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28, Российская Федерация*

ИНФИЛЬТРАЦИЯ ОБРАЗА «БОЛЕЗНИ» АРХЕТИПА КАК МЕТОД ДЕСТРУКТИВИЗАЦИИ СОЦИУМА (НА МАТЕРИАЛАХ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается актуальная проблема исследования методов проведения психологических операций в условиях возрастания их роли в информационных войнах. В основу анализа положена фрактальная динамика информационно-психологического воздействия. Обобщение нового материала по современной Украине в рамках избранной проблемы позволило выделить, обосновать и ввести в научный оборот метод «инфильтрация образа “болезни” архетипа». По итогам теоретического анализа дана обобщённая характеристика метода и его составляющих, раскрывающих психологическую природу и систему значений концепта, автором предложено рабочее определение. Особое внимание уделено анализу образа «архетип – кенотип» как концептуальной основы построения виртуальных конструктов метода дезинтеграции социума. Автор на фрагментарной основе прослеживает процесс разработки метода, а также, в условиях его применения, степень влияния на социум. Предложенный подход будет интересен специалистам в области информационно-психологической безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

«архетип – кенотип», «болезнь» архетипа, инфильтрация, деструктивизация социума, патологизация, виртуальные конструкты, ментальный образ, концептуальная основа.

V. Sobolnikov

*Novosibirsk State Pedagogical University
ul. Vilyuiskaya 28, 630126 Novosibirsk, Russian Federation*

INFILTRATION OF THE ARCHETYPAL “SICKNESS” IMAGE AS A METHOD OF SOCIETY DISORGANIZATION (A CASE STUDY OF CONTEMPORARY UKRAINE)

ABSTRACT

The paper examines the important problem of studying the methods of conducting psychological operations in the context of their increasing role in

information wars. The analysis is based on the fractal dynamics of information and psychological impact. The generalization of the new information about modern Ukraine within the framework of the selected problem makes it possible to identify, substantiate and introduce the method of “infiltration of the archetypal ‘sickness’ image” into scientific use. According to the results of the theoretical analysis, a generalized description of the method and its components, revealing the psychological nature and value system of the concept, is presented, and a working definition is proposed. Special attention is paid to the analysis of the “archetype-kenotype” image as a conceptual basis for constructing virtual constructs of the society disintegration method. The process of the method development is traced on a fragmentary basis, as well as, in terms of its application and the degree of influence on the society. The proposed approach will be of interest to specialists in the field of information and psychological security.

KEY WORDS:

“archetype-kenotype”, archetype of “sickness”, infiltration, destructivization of society, pathologization, virtual constructs, mental image, conceptual basis.

ВВЕДЕНИЕ

Разрабатываемая в России стратегия информационной безопасности в условиях цифровой экономики через глобальную конкурентоспособность исходит из неустойчивости современных реалий, которая транслирует гибридную картину мира. Продвижение с помощью передовых IT-технологий в общественное сознание виртуальных информационных образов значительно снижает инфоустойчивость социума. Уровень критичности объекта воздействия составляет 13–14% населения, что позволяет представителям данной группы критично воспринимать «продвигаемую» информацию [1, с. 39–51]. Доступность разработки средств воздействия создаёт благоприятные возможности инфильтрации деструктивного контента и открывает новые технологии информационных войн (далее – ИВ) [24].

Интернет и другие, интерактивные киберсистемы используются субъектами ИВ. С помощью значительного арсенала информационно-психологической стимуляции оказывают деструктивное воздействие на сознание индивида и коллективное бессознательное социума [13; 24]. В числе наиболее значимых средств ведения ИВ эксперты выделяют «информационно-психологические операции» (далее – ИПСО) [3; 4; 7; 13; 15], где в числе перспективных методов их проведения может стать «инфильтрация образа “болезни” архетипа».

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В процессе активного информационного противодействия лидеры США и Североатлантического блока целенаправленно реализуют проекты «цветных» революций, направленные на свержение легитимной власти в разных странах мира. В качестве средств используют «информационные, психологические, дезинформационные и другие специальные операции» [6, с. 31].

Новые технологии на принципиально иной основе обнаруживают перспективные возможности для деструктивного воздействия на сознание, чувства, эмоции лидеров, принимающих решения, и нейтрализации социума, трансформации их поведения. В арсенале информационных средств воздействия наибольшее внимание привлекают психологические операции (*англ.* Psychological Operations, PSYOP). «Совокупность согласованных, скоординированных и взаимосвязанных по целям, задачам, месту и времени, объектам и процедурам видов, форм, способов и приемов психологического воздействия, направленных на объект воздействия с целью внедрения деструктивных установок, формирования ложных стереотипов поведения, трансформации в нужном направлении настроений, чувств, воли» населения [7, с. 16] раскрывает разрушительный потенциал этого средства. Задействование виртуальных инфопотоков и разнообразных сетей позволяет в пределах реализации разработанных проектов обеспечить трансформацию картины (модель) мира в целях формирования «заданной» инициаторами образной сферы личности и программируемого поведения социума.

Универсальность, скрытность и поливариативность ИПсО достаточно полно просматривается в одном из её методов: «инфильтрация образа “болезни” архетипа» (далее – ИОБА). Как правило, совокупность приёмов и способов этого метода используется на начальных этапах реализации операций. Целью этого является разрушение старой модели (картины) мира, конструирование и интеграция в социум новой. Технология ИОБА, задействованная в ряде стран, в т. ч. и на территории бывшего СССР, даёт постоянный качественный результат и поэтому требует научного анализа. Между тем вопрос выделения и использования данного метода как отдельная проблема в имеющейся литературе не просматривается. Анализ изданных в последние годы работ [см.: 7; 3; 13] убеждает в актуальности исследуемой проблемы.

Потребность поиска средств и механизмов снижения деструктивного потенциала ИОБА в условиях «гибридности» среды остаётся за рамками современных исследований. Актуализация данной проблемы обусловила новизну научного знания и основания для её проработки. Исследование проводилось с помощью анализа и синтеза, индукции и дедукции, системного подхода, а также методами сравнительного и структурно-функционального анализа, гештальтпсихологии и герменевтики при работе со специальными текстами. Целью статьи явилось методологическое обоснование «инфильтрации образа “болезни” архетипа» как метода ИПсО и выделения концептуальной основы его построения.

ИНФИЛЬТРАЦИЯ ОБРАЗА «БОЛЕЗНИ» АРХЕТИПА: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СИСТЕМА ЗНАЧЕНИЙ КОНЦЕПТА

Большинство аналитиков и экспертов воспринимает «цветные» революции как инструмент внешней политики стран англо-американского во-

енно-политического альянса. В последнее время фиксируется значительное увеличение акций информационно-психологической направленности на российское общество, где в числе основных средств остается ИПСО. Система «закачивания» в коллективное сознание социума специально подготовленной информации при одновременном обвинении России в распространении дезинформации остаётся ключевым элементом. Анализ Доктрины ВС США (Doctrine for the Armed Forces of the United States) в редакции от 25.03.2013 [9; 22, p. 363–367], перечня исследований перспективных разработок Агентства передовых оборонных исследовательских проектов МО США (DARPA) и результаты применения [14, с. 23–30] убеждают в этом.

Изучение практики и имеющейся литературы [7; 3; 4; 5; 6; 8; 9; 10; 20; 24 и др.], раскрывающих фрагменты реализации информационно-психологических атак в процессе осуществления «цветных» революций, позволяет понять природу исследуемого явления. Очевидно, жизнедеятельность человека в пространственно-временном континууме протекает в условиях непрерывно меняющегося мира. Рост «новых технологий в информационном пространстве предоставляет, по мнению Brzezinski, новые возможности качественной дезинтеграции достаточно устойчивых общественно-идеологических систем» [20, p. 198]. Сознание остаётся важным объектом психологического воздействия, обладающего одной особенностью восприятия информации. Так, неспособность психики выделять и в зеркальном отражении актуализировать события в интересах организма приводит к искажению действительности [2, с. 347]. При этом смысловая природа человека задаёт направленность на поиск и реализацию вероятностных смыслов. Как структурный элемент сознания и интегральная ориентация деятельности человека смысл может быть положен в основу дезинтеграции личности и социума. Подтверждением тому является анализ элементов ИПСО, проведённых силами англо-американского консорциума в странах (Армения, Грузия, Киргизия, Украина и др.) бывшего СССР и за рубежом. В наставлении КНШ ВС США 2014 г. JP 3-13 «Информационные операции» обнаруживается технология ведения ИПСО. Более того, «реляционная модель информационного воздействия» (Information-Influence Relation Framework) [15], преследуя цель достижения геополитического превосходства и дезинтеграции конкурирующей стороны, включает отдельные элементы проведения операций.

Результаты изучения практики проводимых ИПСО позволяют во всех случаях выделить устойчивую совокупность ключевых элементов, обладающих упорядоченным числом взаимообусловленных значений, связанных функциями и этапами процесса. Системообразующим фактором, от которого зависит структура, является процесс «инfiltrации», в рамках которого выделяются личностный смысл, виртуальный конструкт модели и оперантное поведение по его организации и осуществлению. В качестве подсистем выступают «болезнь» архетипа, ментальный образ и рефлексивное управле-

ние, образуя в совокупности систему инфильтрации как одного из методов проведения информационно-психологических операций. Использование в рамках ИПСО такой совокупности в большинстве случаев достигало цели, вызывая острую реакцию объекта воздействия.

На наш взгляд, имеет место применение относительно «нового» метода, обладающего значительным деструктивным потенциалом. Одной из целевых установок применения метода ИОБА является системное воздействие, направленное на дезинтеграцию структур сообщества и изменение его поведения. Достижение этой цели закладывает основу последующего разложения социума и инспирирования общественно опасных, противоправных деяний. Поэтому цели, средства, технологии встраиваются в информационно-психологический дискурс этого метода, имеющего разрушительную направленность. Исследование сущности ИОБА является проблемой, связанной с проработкой концепта, раскрывающего и характеризующего его как системно-структурное явление. Поскольку дефиниция метода складывается на основе сложного словосочетания, имеет смысл обратиться к осмыслению его элементов.

В содержание деятельностного контекста, обеспечивающего заданный смысл ИОБА, входит одно из фундаментальных явлений архетипической школы аналитической психологии [17] – «болезнь» архетипа. В её основе лежат комплексы человека, где их архетипическая природа служит основой психической жизни [23]. В этой связи Дж. Хиллман использует «патологизацию» как «автономную способность психического порождать нездоровье, болезненность, расстройство, ненормальность и страдания в любом из аспектов своей деятельности, а также переживать и представлять себе жизнь в искаженной и болезненной перспективе» [16, с. 181, 182]. В пределах архетипов «патологизация» им обосновывается как одна из действенных форм психического выражения: страдания, безнадежность, суицид, порнография и т. д.

Настоящие и другие проявления психической действительности обуславливают создание различных программ, продуцируя разнообразные выражения психической и иной зависимости, заменяющих деятельность. К. Юнг справедливо утверждал, что «причиной наших аномалий являются мифические личности, а наши психические заболевания образны по сути, т. е. имагинальны» [19, с. 139]. Мифическое во многом характеризует патологию, но, как полагает Дж. Хиллман, его удаление без искажения является невозможным. Именно антропоморфность «мира богов» обуславливает копирование собственных патологических проекций. В целом современный мир, будучи секулярным, служит подражающей проекцией «имагинального мира и патологии архетипов (или богов)» [16, с. 189]. Манифестирование создателем в имагинальном круге мифа задаёт некий «образ в виде воображения, который, по сути, является отражением архетипа. Без фантазии об архетипической болезни, без возвращения ее творцу невозможно дать объяснение этому явлению» [16, с. 186, 187].

Восприятие идеальной формы архетипа без изъянов и деструкции может привести к идеализации и фальсификации естества архетипической действительности. Между тем тень, не являясь архетипом, выполняет функцию отграничения и непохожести каждого из богов. Явление патологизации социума может проявляться в виде унаследования различных фрагментов структуры архетипа, несущих разрушительные возможности. Не случайно А. Корбин усматривает в этом «ужасное, чудовищное мрачное, жуткое, жалкое и абсурдное» [21, р. 16]. При условии, что боги бессмертны, а болезни вечны, именно тень определяет путь, по которому идут люди. Таким образом, архетипическое (аналитическая), являясь «логосом» для «патоса» (психического), открывает возможности с помощью психотехнологий проецировать «болезни» архетипа на определённую часть социума.

Архетип как типизированный образ и структурный элемент коллективного бессознательного составляет основу механизма формирования сценария и мотивов поведения человека на протяжении всей истории культуры. Патология в виде переживания архетипа также представляет собой путь необходимого и должного в нашей жизни. При этом архетипическая универсальность проявляется и в устремлённости к сверхисторическому состоянию мира, способствуя организации новой формы: «образы-кенотипы» [18]. Последние стали результатом отражения тех индивидов, в которых преломляется своеобразие времён, событий, народов и др. Кенотип (kenotype: *греч. kainos* – «новый» и *typos* – «образ», «отпечаток») раскрывается как обобщённо-образная схема мыследеятельности, не имеющая прецедентов в коллективном бессознательном и по своему символическому значению соотносённая с «первообразом», «архетипом» [11, с. 111, 112]. Ментальные образы как часть личностно-субъективного опыта, «внутренней» репрезентации образа кенотипа могут стать основой стимульного материала, стратегией целенаправленной деятельности социума.

Совокупность выделенных нами в рамках «инфильтрации» значений приводит к анализу механизма включения социума в систему рефлексивного управления. Г. В. Грачев раскрывает это явление как «процесс передачи оснований для принятия решений одним из противников другому и отражает подход к его управлению в конфликте с использованием разнообразных приемов тайного принуждения людей и применением механизма рефлексии в этих целях» [4, с. 72]. При этом объект воздействия в результате реализует простые функции в виде «норма – реализация», «задача – решение задачи» (реактивное управление) либо «норма – реализация – осложнения в реализации – рефлексия – включение корректировки нормы реализации изменённой нормы» (рефлексивное управление)» [4, с. 85]. В итоге рефлексия управления усиливается с использованием техник введения в обман, направления по ложному пути, навязывания системных ошибок, а также завуалированно-психического давления на бессознательном уровне.

Ментальные образы играют в когнитивной сфере индивида и общественном сознании исключительно важную роль. Вероятность формирования «болезни» «архетипа – кенотипа», его переживания и организации рефлексивного управления связана с работой правого полушария. Управление образами и последующая трансформация социума становится возможной в результате инфильтрации болезни. Именно здесь просматриваются концептуальные и теоретико-практические вопросы исследования психологических механизмов инфильтрации (подмены) образов в сознательные и бессознательные процессы социума. В Словаре иностранных слов «инфильтрация» (*лат. in* – «в» и *filtratio* – «процеживание») представлена как: «1. *книж.* Просачивание. *И. влаги в подпочвенные горные породы. И. воздуха в помещениях.* 2. *биол., мед.* Пропитывание тканей организма продуктами воспаления, клетками опухолей. 3. *полит.* Проникновение в ряды кого-либо. 4. *воен.* Тактика наступления, основанная на использовании лёгкой пехоты, не вступающей в бой с основными частями противника. 5. *урботуризм.* Скрытое проникновение на охраняемый объект, территорию» [12, с. 200]. Сопоставительный анализ подводит к конечному пониманию явления «инфильтрация» как процессу «скрытого проникновения». Последнее обладает значением информационно-психологической нагруженности, является вполне достаточным, поскольку остальные значения задают преимущественно профессионально-прикладную направленность.

В контексте проведённого анализа допустимо воспринимать «инфильтрацию образа “болезни” архетипа» в виде одного из методов проведения ИПСО как совокупности согласованных по целям, задачам, месту и времени мероприятий, проводимых по скрытому проникновению состояния патологии архетипа (кенотипа) посредством формирования (подмены) его образа и осуществления рефлексивного управления социумом в состоянии хаоса и неопределённости, а также подготовки условий дезинтеграции сообщества.

ОБРАЗ КЕНОТИПА КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ВИРТУАЛЬНЫХ КОНСТРУКТОВ

Возврат к архаичным формам общественного сознания определённой части жителей Украины состоялся в результате системного влияния оказываемого зарубежными националистическими центрами украинских диаспор (США, Канады и т. д.). С помощью гуманитарных программ, организации стажировок, обучения, грантов проводилась работа по реанимации и воскрешению образов УПА, Бандеры, самостийности в сознание украинского социума. Следует заметить, что по указу Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг.» свыше 20 тыс. бывших членов ОУН вернулись из ссылки и тюрем. Одновременно по каналу репатриации в Советскую Украину возвратилось более 100 тыс. украинцев. Амнистированные себя виновными и побежденными не признавали, и зарубежные на-

ционалистические центры использовали для себя возможность действовать легально. Состоялся процесс продвижения реабилитированных бандеровцев на должности руководителей партийных структур различного уровня, министерств и ведомств Украины. Так, доля в составе обкомов и райкомов партии только западных областей Украины из числа реабилитированных и репатриантов к 1980 г. составила от 35% до 50%. Очевидно, работа по разложению Украины осуществлялась по разным направлениям. В результате часть элиты была изначально запрограммирована на реализацию идей самостийности, а другая – большая её часть, не осознавая или не желая осознавать смысла ведущейся против неё «гибридной войны», была обречена на поражение.

С развалом СССР и процесса становления украинской государственности перед Западом стала проблема использования Украины как средства разрушения России. Учитывалось, что украинский социум складывался на путях массовых переселений народов, войн, оккупаций и социальных катаклизмов. Население на протяжении ряда веков «встраивалось» в различные проекты австро-венгерских, великопольских, румынских, немецких и других спецслужб, направленных на отторжение её территорий. В итоге многовековая идея «самостийности» трансформировалась, получив отражение не только в архетипе «героя», но и в ряде других ведущих кенотипов («самостийность», «Бандера» и др.). Получившая хождение мифологема «австрияки были и ушли, немцы были и ушли, уйдут и русские» трансформировалась в идею «Украина – не Россия». Актуализация, а затем и её гипертрофирование определили перспективу политического развития социума и проявили себя в долгосрочной перспективе. Российское отрицание стало продолжением политики Мазепы, Петлюры, Скоропадского, Коновальца, Мельника, Бандеры и ряда других лидеров, канонизированных современным Киевом. Изложенное обусловило настойчивое стремление Украины к суверенитету и европейскому выбору. Необходимо было средство, которое позволило бы «взорвать» ситуацию на Украине изнутри. Для этого в рамках ИПСО был использован метод ИОБА, где при разработке обобщённо-образной стратегии «обретения самостийности» была учтена украинская специфика, а в качестве «архетипа героя» избран С. Бандера. Среди националистически ориентированных граждан западных областей Украины он ассоциировался с символом «борца за свободу и независимость народа». Поэтому «кенотип Бандера» определил концептуальную основу построения виртуальных конструкторов метода.

В современной Украине С. Бандера стал символом украинского национализма, борцом за свободу и её независимость. Знаки, порождённые его сознанием в прошлом, были продуцированы общностью и стали новым знакомым явлением. Вместе с тем, как соавтор документа «Борьба и деятельность ОУН (б) во время войны» и идеолог теории «Украинской национальной революции», в которых предписывалась физическая ликвидация политических, «этнических» и других врагов, а также в своей практической деятельности

террорист, он несёт морально-политическую и правовую ответственность. Следует отметить, что, пребывая в системе сложных отношений, он транслировал вовне маску крупного политика, организатора, пропагандиста, борца за «правое» дело, а внутри – скрывать свою истинную природу. Поэтому *когнитивно-акцентированные (персона) и аффективно акцентированные* мотивационные отношения (тьень) при всей их несовместимости содержания могли либо вступать в когнитивный диссонанс, либо вытесняться одно другим. Однако актуализация деятельности привела к усилению персоны и тени, которые, функционируя в логике фиксированных «позитивных» и «негативных» ценностей, обусловили превращению его личности в «персону-тьень». Данное обстоятельство было украинскими националистами использовано в процессе так необходимого «обеления» Бандеры.

Последние десятилетия последователями ООН и западными спецслужбами как на территории Украины, так и за рубежом (США, Канада и т. д.) стали активно исключаться «теневые» аспекты (террористические методы, этнические зачистки, политические убийства, провокации, пребывание в агентурных отношениях с нацистскими спецслужбами и т. д.) деятельности Бандеры. В результате получил своё оформление мифологический образ «героя» (по типу Ясира Арафата и др.), мудрого, целеустремленного, мужественного, прозорливого лидера движения. С помощью различного типа легенд стали распространять в СМИ «правду» о жертвенном пути борца за независимость Украины Бандеры как незаслуженно оболганного. Молодёжи было рекомендовано брать пример и «делать с него свою жизнь». В целях его героизации стали использоваться речевки и лозунги, например «Бандера придёт – порядок наведёт!» и др. В более 20 городах Украины Бандера стал почётным гражданином, его именем называют улицы, проспекты и премии, установлены памятники, а также присвоено звание Героя Украины. В 2009 г. на Украине широко отмечался 100-летний юбилей со дня его рождения. Слово «бандеровцы» стало звучать как символ национальной гордости. В итоге цель была достигнута, и Западу стало понятно, что сформирован достаточный «потенциал» для окончательного реформирования социума Украины.

Вместе с тем вероятность объективной и беспристрастной оценки исследователями «деятельности» Бандеры как «знаковой системы» на Западе стало острее осознаваться. Появилось ощущение, что результаты могут привести к диаметрально противоположному отклику в социуме. Именно это обусловило проведение цветной революции, а затем и государственного переворота. Ключевым средством реализации данных проектов стали ИПСО, в основе которых просматривается метод ИОБА со своей спецификой уровня коммуникации и практической деятельности. В этом плане ряд положений в определённой степени раскрывает его виртуальную социальную коммуникацию и систему деструктивного воздействия:

1. Жители Украины, пребывающие в атмосфере управляемого хаоса и непрерывного поиска этноидентичности с ориентацией на европейские ценности, остались незащищёнными перед разрушительным информационным воздействием. Кенотипы «самостийность» и «Бандера», являясь его концептуальной основой, усилили специфику деструктивного содержания, что позволило «утопить» общественное сознание в новой, виртуальной реальности. Социальная коммуникация усилила активность восприятия происходящего как действительного с помощью продуцирования ряда явлений:

а) трансгрессии: как особых состояний, приводящих к нарушению норм, законов и правил, эксцессов, способствующих переходу от одного к другому состоянию;

б) патологической полисемантической: многозначности, при которой лица с психопатологическим мышлением «вносят» иной вербализованный смысл словам, в том числе и форме, лишённой конкретного смысла, придавая им расширительное значение;

в) симулятивности: введение ментальных вирусов, изменяющих сознание, деформирующих и переформатирующих ментальность, разрушающих этноидентичность, что обуславливает трансформацию ментальных (образы мысли, ценности, формы и способы идентификации, символика-знаковой системы и др.) структур социума и «переконцептуализацию» картины мира.

2. Механизм формирования активных образов «самостийности» и «Бандеры» явился частью деструктивного дискурса, посредством которого воображаемые ощущения «болезни» («архетипа – кенотипа») сформировали локальную сеть ментального образа – объекта воздействия. В частности, были применены мифологемы «активного сопротивления на Украине в условиях пребывания в СССР», а также «обвинения за упущенный ею шанс стать европейской страной». Оперирование кодами таких образов и ряда других привело к расщеплению общественного сознания социума, созданию управляемого хаоса и блока сетей («Украина не Россия», «москоляку на гиялку», «кто не скачет, тот москаль» и др.) мыслеформ разрушительного поведения. Очевидно, их использование значительно упростило процесс реализации алгоритма планируемого поведения социума.

3. Деструктивный дискурс как значимый ресурс информационно-психологического насыщения социума включает: цель, виртуальный конструкт этапов деятельности, конструкты изменения среды и рефлексивного управления. Для достижения цели, усиления «превосходства» провозглашённой идеи на фоне этнической «ущербности врагов» были использованы заранее заготовленные мифы-слоганы-речевки. В частности, мифы «украинского первородства», «универсальной национальной идеи», «независимой украинской державы», мифы национальных героев (Бандера, Шухевич и др.). Предпринимались меры по созданию своеобразного информационного пространства, с системой специальных стандартных деструктивных ситуаций (коды).

4. Представленный в кратком виде метод ИОБА в условиях цифрового кодирования коммуникаций содержал основной виртуальный конструкт как структуру, обеспечивающую инфильтрацию смыслов («Украина не Россия», «Украина – это Европа» и т. д.). Возможность их бытия в форме виртуального образа с наличием потенциала и ментальных вирусов позволила значительно повысить эффективность метода. В целом его содержание манифестировало интересубъективный фрейм виртуального образа планируемых событий. Конструкт в системе психологических координатах и с учётом менталитета трансформировал положение субъектов коммуникации, интегрировал процесс «деструктивной социализации», что позволило запустить механизм проектной идентификации в новой виртуальной реальности.

5. Менталитет украинцев проявился в рефлексии фундаментальных структур сознания, определяющих их поведение. Например, в виде стремления получить помощь на Западе или Востоке или заблуждения, что кто-то решит их проблемы. Одновременно просматривается стратегия бегства от решения сложных проблем. Более того, наличествующие в коллективном бессознательном деструктивные мифы (комплекс неполноценности: Украина – это «окраина»; неверие в свои силы; страх перед войной; генетическая неспособность к проявлению воли и т. д.) были использованы в процессе инфильтрации патологии. Нестабильность, полная неопределённость социума и системная дезинформация исказили картину мира, разрушили механизм психологической защиты, привели к распаду социума.

6. Виртуальная реальность как презентация «новых» возможностей, потребностей, интересов, зависимости, изменения статуса человека, его свобод и смысла жизни стала предпосылкой формирования разрушительного поведения и трансформации социума. Так, информационные перегрузки при дефиците информации усилили стрессированность, дискомфорт, породили когнитивный диссонанс и конфронтацию с властью. В результате был максимально инициирован деструктивный потенциал социума.

7. Активное использование метода ИОБА как источника манипулирования коллективным сознанием обусловило применение осознаваемых образов, отнесённых к когнитивным и эмоционально-чувственным элементам ценностных ориентаций, выявленных в социуме. Транслирование «новых» ценностей социальных институтов, отношений к семье, этносу, а также к ключевым вопросам бытия, смысла жизни, отношения к смерти и т. д. было подано как модель совершенного мира.

8. Кенотипы (самостийность, Бандера и др.) по причине своей многоликости актуализировали процессы социального перерождения и деструкции. Извлечённый и реанимированный образ Бандеры был подан в активной знаковой системе «героя» (мифологемы, социальные стереотипы и символы) для воздействия на массовое бессознательное. «Калькирование» его «тени»

посредством разрушительных технологий (политические убийства, поджоги и др.) в условиях «управляемого» хаоса обусловило дискредитацию правового режима, поведенческих норм и установок. Переживание жизненного смысла социума вышло за критический уровень. Инфильтрация болезни архетипа в социум привела к расщеплению общественного сознания социума и включила механизм проектной идентификации с Европой.

ВЫВОДЫ

Проведённое нами исследование ряда наиболее важных фрагментов ИОБА открывает новые возможности анализа виртуальных конструктов деструктивной коммуникации и последующего выделения вероятностных точек их разрушения. Работая в запредельных режимах, метод обеспечил внедрение когнитивных деструктивных образов, породил состояние когнитивного диссонанса и «управляемого хаоса». Информационные «вбросы» в социум путём обращения к ложным смыслам, разрушительным кенотипам и мифологемам показали эффективность метода. Прежняя модель (картина) мира в результате инфильтрации состояния патологии архетипа (кенотипа) трансформировалась, освобождая место для «новой». Деструктивный потенциал на основе активных образов, развитие и трансформация которых заложен в социуме, архетипически привёл к качественным изменениям ментальности украинского сообщества. В результате произошло резкое изменение отношения к России и переход на «идеологическую позицию» Бандеры. Разрушительные мифологемы стали составляющей современного менталитета жителей Украины, обусловив новые процессы в обществе.

Таким образом, посредством «культурологической» экспансии через информационные каналы и обмены (контакты) были внедрены «деградационные стандарты», осуществлены меры вероятностной «перешивки» культурного кода социума. За размытыми, во многом неясными формами этой «деятельности» просматривается ведущий конструкт «инфильтрационного» воздействия с уникальным сочетанием угроз и тактик, нацеленных на уязвимость и разрушение социума.

Исследование методов проведения ИПСО во всей их сложности и многогранности в контексте стратегии обеспечения безопасности России через глобальную конкурентоспособность позволило обобщить межпредметные знания. Анализ показывает, что информационно-психологическая защита украинского социума пребывает в критическом состоянии. Осознание изменившейся ситуации отстаёт от реальности. В итоге общество реально оказывается в ментальной ловушке. Смысл образа мира в результате применения метода ИОБА трансформировался, что обусловило смену типа рефлексии. Видимо, в обществе формируется потребность в отсечении управляемого хаоса и перевода рефлексии на позиции критического осмысления состояния. Более того, возникает необходимость разработки и проведения, защит-

ных и наступательных информационно-психологических спецопераций, направленных на предупреждение и пресечение ИПСО.

Рассматривая проблемы информационно-психологической конфронтации, мы осознаём невозможность их обсуждения в рамках данной статьи. Системно-комплексный подход к проведению дальнейших исследований технологий ведения ИПВ и их пресечения позволит расширить диапазон наших представлений и привести к снижению риска их использования в деструктивных целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамьянц Т. З. Проблема диалога в общении с экраном: миллион картинок экрана – одна “картина мира” телезрителя (семио-социо-психологический анализ) // Мир психологии. 2000. № 2. С. 39–51.
2. Выгодский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
3. Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: Издательство Российской Академии государственной службы, 1998. 125 с.
4. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Алгоритм, 1999. 153 с.
5. Грачев Г. В., Грачева И. Г. Экспертиза информационно-психологического воздействия средств массовой информации: проблема и перспективы формирования экспертного сообщества // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2006. № 11. С. 87–93.
6. Налетов Г. А. К вопросу о разработке концепции нетрадиционных войн и вооруженных конфликтов // Вестник Академии военных наук. 2012. № 1 (38). С. 29–34.
7. Вепринцев В. Б., Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник. М.: Горячая Линия-Телеком, 2011. 496 с.
8. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012. 336 с.
9. Петренко А. И. Общая характеристика психологических операций // Национальная безопасность / Nota bene. 2009. № 1. С. 59–65.
10. Петренко А. И., Фролов Д. Б. О формировании методики оценки агрессивных действий участников информационно-психологического противоборства // Геополитическое будущее России: труды Первой Всероссийской конференции. М., 2003. С. 291–302.
11. Проектный философский словарь: новые термины и понятия / Г. М. Бревде и др.; под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003. 512 с.
12. Словарь иностранных слов. 10-е изд., стер. М.: Русский язык, 1983. 608 с.
13. Собольников В. В. Информационное воздействие в современном мире: социально-психологический аспект: монография. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, Сибирский институт управления, 1999. 166 с.

14. Собольников В. В. Информационно-психологическое воздействие субъектов международного права как угроза национальной безопасности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 5–2. С. 22–30.
15. Собольников В. В. Место и роль психологического воздействия в стратегии ведения «гибридных» войн НАТО // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 3 (4). С. 25–31.
16. Хиллман Дж. «Болезнь» архетипа // Хиллман Дж. Внутренний поиск / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2004. С. 181–190.
17. Хиллман Дж. Архетипическая психология / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2006. 351 с.
18. Эпштейн М. Все эссе: в 2 т. Т. 1. В России (1970–1980-е гг.). Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 544 с.
19. Юнг К. Г. *Йога и Запад*. Львов; Киев, 1994. 230 с.
20. Brzezinski Z. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. New York: Basic Books, 2005. 256 p.
21. Corbin H. *Mundus Imaginalis or the Imaginary and the Imaginal* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amiscorbin.com/bibliographie/mundus-imaginalis-or-the-imaginary-and-the-imaginal> (дата обращения: 21.09.2018).
22. Petrenko A. I. A Number of Peculiarities of Information – Psychological Influence during carrying out operations of Information-Psychological Warfare // INTERNET – EDUCATION – SCIENCES – 2004: Proceedings of the Fourth International Conference. Vol. 1. Vinnitsa, 2004. P. 363–367.
23. Schneider K. *Clinical psychopathology* / transl. M. W. Hamilton. 5th ed. Oxford: Grune & Stratton, 1959. 299 p.
24. Robertson D. S. The information revolution // *Communication Research* 1990. Iss. 2. Vol. 17. P. 235–254.

REFERENCES

1. Adam'yants T. Z. [The problem of dialogue in communication with the screen: million pictures of the screen – a “world picture” of the viewer (semio-socio-psychological analysis)]. In: *Mir psikhologii* [World of psychology], 2000, no. 2, pp. 39–51.
2. Vygodsky L. S. *Sobranie sochinenii. T. 1* [Collected works. Vol. 1]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982. 488 p.
3. Grachev G. V. *Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti: sostoyanie i vozmozhnosti psikhologicheskoi zashchity* [Information-psychological security of a person: status and opportunities of psychological protection]. Moscow, Izd-vo Ross. Akad. Gos. Sluzhby Publ., 1998. 125 p.
4. Grachev G., Mel'nik I. *Manipulirovanie lichnost'yu: organizatsiya, sposoby i tekhnologii informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviya* [Manipulation of a person: organization, ways and technologies of information and psychological impact]. Moscow, Algoritm Publ., 1999. 153 p.
5. Grachev G. V., Gracheva I. G. [Examination of information and psychological impact of media: problem and prospects of formation of an expert community]. In: *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby* [Bulletin of the Volga Academy of Public Service], 2006, no. 11, pp. 87–93.

6. Naletov G. A. [To the problem of the development of the concept of non-traditional wars and armed conflicts]. In: *Vestnik Akademii voennykh nauk* [Bulletin of the Academy of Military Sciences], 2012, no. 1 (38), pp. 29–34.
7. Veprintsev V. B., Manoilo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. *Operatsii informatsionno-psikhologicheskoi voiny* [Operations of an information-psychological war]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2011. 496 p.
8. Panarin I. N. *SMI, propaganda i informatsionnye voiny* [Media, propaganda and information warfare]. Moscow, Pokolenie Publ., 2012. 336 p.
9. Petrenko A. I. [General characteristics of psychological operations]. In: *Natsional'naya bezopasnost' / Nota bene* [National security / Nota bene], 2009, no. 1, pp. 59–65.
10. Petrenko A. I., Frolov D. B. [On the formation of methods of assessing the aggressive actions of participants in the information-psychological confrontation]. In: *Geopoliticheskoe budushchee Rossii: trudy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii* [Geopolitical future of Russia: Proceedings of the First all-Russian conference]. Moscow, 2003, pp. 291–302.
11. Braude G. M. et al. *Proektivnyi filosofskii slovar': novye terminy i ponyatiya* [Projective philosophical dictionary: new terms and concepts]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2003. 512 p.
12. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1983. 608 p.
13. Sobol'nikov V. V. *Informatsionnoe vozdeistvie v sovremennom mire: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt* [The impact of information in the modern world: socio-psychological aspect]. Novosibirsk, Novosibirsk State University, Siberian Institute of Management Publ., 1999. 166 p.
14. Sobol'nikov V. V. [Information-psychological influence of subjects of international law as a threat to national security]. In: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 2016, vol. 8, no. 5–2, pp. 22–30.
15. Sobol'nikov V. V. [The place and role of psychological influence in the strategy of “hybrid” wars of NATO]. In: *Gumanitarnye problemy voennogo dela* [Humanitarian problems of military affairs], 2015, no. 3 (4), pp. 25–31.
16. Hillman J. [“Sickness” archetype]. In: Hillman J. *Vnutrennii poisk* [Internal search]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2004, pp. 181–190.
17. Hillman J. *Archetypal Psychology: a Brief Account*. Dallas, Spring Publications, 1983.
18. Epstein M. *Vse esse. T. 1. Rossiya (1970–1980)* [All essays. Vol. 1. Russia (1970–1980)]. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2005. 544 p.
19. Jung C. Yoga and the West. In: *Collected Works of C.G. Jung*, Vol. 11. 2nd ed., Princeton University Press, 1969. pp. 529–537.
20. Brzezinski Z. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. New York, Basic Books, 2005. 256 p.
21. Corbin H. *Mundus Imaginalis or the Imaginary and the Imagenal*. Available at: <https://www.amiscorbin.com/bibliographie/mundus-imaginalis-or-the-imaginary-and-the-imaginal> (accessed: 21.09.2018).
22. Petrenko A. I. A Number of Peculiarities of Information – Psychological Influ-

ence during carrying out operations of Information-Psychological Warfare. In: *INTERNET – EDUCATION – SCIENCES – 2004: Proceedings of the Fourth International Conference*. Vol. 1. Vinnitsa, 2004, pp. 363–367.

23. Schneider K. *Clinical psychopathology*. Oxford, Grune & Stratton, 1959. 299 p.

24. Robertson D. S. The information revolution. In: *Communication Research*, 1990, iss. 2, vol. 17, pp. 235–254.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 02.11.2018

Статья размещена на сайте: 28.12.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Собольников Валерий Васильевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии и истории психологии, сотрудник лаборатории «Архетипическая и аддиктивная идентичность» Новосибирского государственного педагогического университета; e-mail: vsobolnikovis@gmail.com

Valery V. Sobolnikov – Doctor of Psychological Sciences, professor, professor at the Department of General Psychology and History of Psychology, Research Fellow of the Archetypal and Addictive Identity Scientific Laboratory, Novosibirsk State Pedagogical University; e-mail: vsobolnikovis@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Собольников В. В. Инфильтрация образа «болезни» архетипа как метод деструктивизации социума (на материалах современной Украины) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Sobolnikov V. V. Infiltration of the archetype “disease” image as a method of society disorganization (a case study of contemporary Ukraine). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2018, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru